Для цитирования: Прытков В. П., Конашкова А. М., Харитонов В. В. Онтологические основания этики: от замысла С. Л. Рубинштейна к реализации // Социум и власть. 2019. № 6 (80). С. 111—120. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-6-111-120.

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-6-111-120

УДК 1 (091)

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТИКИ: ОТ ЗАМЫСЛА С. Л. РУБИНШТЕЙНА К РЕАЛИЗАЦИИ

Прытков Владимир Павлович,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент.
Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: v.p.prytkov@urfu.ru

Конашкова Алена Михайловна,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, доцент Центра развития универсальных компетенций, кандидат философских наук.
Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: a_konashkova@mail.ru

Харитонов Владимир Васильевич,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, доцент кафедры философии.
Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: V.V.Hariton@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье излагается авторский опыт «вопрошающего прочтения» и понимания философского наследия крупнейшего российского психолога и мыслителя Сергея Леонидовича Рубинштейна. Осмысляются базовые положения концепции причинной взаимосвязи психических явлений и бытия, анализируются онтогносеологические и морально-этические основания психологии и философии.

Цель. На основе историко-философского анализа произведений разных периодов творчества С. Л. Рубинштейна и его дневников реконструировать проект онтологического обоснования морально-этической проблематики.

Методы. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: обобщение, структурно-функциональный, системный и сравнительный анализ.

Научная новизна исследования. Проект онтологического обоснования морально-этической проблематики является в высшей степени актуальным для современной культуры, для осмысления текущего состояния и перспектив развития российского общества в условиях стремительно глобализирующегося мира.

Результаты. В наше переходное время, в эпоху разобщённости и неопределённости, несомненно, возрастает потребность в возрождении синтетической философии, интегрирующей ответы на проблемные вопросы, такие, как вопрос о месте другого человека в моей жизни (другой человек только как средство, орудие или как цель моей деятельности); вопрос о существовании другого человека как условии моего существования; вопрос о детерминации человеческого поведения, о системе ценностей.

Выводы. В условиях современной рыночной экономики, когда вопросы этики уходят на второй план, проект онтологического обоснования этики, базирующийся на идеях и методологических принципах, предложенных С. Л. Рубинштейном, может стать важным фактором в попытке переосмысления фундаментальных оснований взаимосвязи экономической, политической и духовной сфер жизни общества. Этот проект позволит достичь положительного эвристического потенциала.

Ключевые понятия:
жизнь,
личность,
концепция,
философская проблема,
онтология,
объективность,
субъективность,
синтетическая парадигма,
этика,
экзистенция.

Давно и хорошо известно, что «история философии есть борьба мыслящих людей». (В. Виндельбанд). Однако истолкование данного тезиса и попытки его реализации в исследовательской и педагогической деятельности грешат чрезмерными упрощениями: таковы, например, стремления представить историко-философский процесс как непримиримую борьбу идеализма и материализма, метафизики и диалектики, буржуазной и пролетарской идеологии и т. д. — упрощениями, доходящими до вульгаризации, отталкивающей мыслящих людей. Подобная вульгаризация нередко служит «основанием» для тех авторов, которые отрицают отечественную философию советского периода. Убедительным опровержением данной позиции служат труды, изданные в серии «Философы России XX века». Достойное место среди них занимают работы Сергея Леонидовича Рубинштейна (1889—1960) — выдающегося российского психолога и философа.

С. Л. Рубинштейн родился в Одессе, в семье известного адвоката. Высшее образование он получил в Германии (1909—1913 гг.). Его учителями были известные философы — неокантианцы Г. Коген и П. Наторп. В рукописи, датируемой 1917—1918 гг., посвященной анализу системы Когена, Рубинштейн подчеркивает, что «вполне понять философскую систему можно, только вскрывая творческие мотивы» [11, с. 429], силы, действующие на автора. Анализируемую систему он включает в контекст философии *критического идеализма* (курсив С. Р.) — направления, заданного Платоном и Кантом. Далее в тексте упоминаются также Парменид, олицетворяющий начало этого направления, и Гуссерль, «реализующий» объективный идеализм в форме антипсихологизма. Принцип тождества бытия и мышления Коген провозглашает краеугольным камнем всего здания логики познания. Такая трактовка указанного принципа имплицирует вывод о том, что «*мысль* производит или *порождает* содержание *бытия*», что в результате «бытие не существует, полагается мыслью» [11, с. 435]. В рукописи о системе Когена содержатся весьма лаконичные и глубокие характеристики идейного наследия многих великих мыслителей, при этом С. Л. Рубинштейн особо выделяет две решающие поворотные эпохи в истории европейской философии — сократо-платоновскую и декарто-кантовскую эпохи. Провозглашаемые ими требования *критичности* и *обоснованности* он рассматривает как *атрибуты* философского и научного мышления, обязательные для любой эпохи. Далее Рубинштейн констатирует амбивалентный характер философии Когена: а) в ней присутствует взаимопроникновение реалистического и идеалистического мотивов и элементов, которое определяет решение гносеологических проблем; б) соединяются конструктивный и трансцендентальный методы, которые представляются антагонистическими. В этом он усматривает отличие когеновского трансцендентального идеализма от спекулятивного идеализма систем послекантовской философии. Особо выделяется методологическое требование связи и единства науки и логики, понимаемой как наукоучение. От проблем логики анализ закономерно переходит к этике, которая рассматривается как логика наук о духе, но на передний план выступает отношение между этическим субъектом и нравственным законом. Кантовский принцип автономии морали приводит к автотелии, которой дается неожиданная интерпретация: «Принцип автотелии, утверждающий человека как личность, т. е. как самоцель, провозглашает, таким образом, идею *социализма*» [11, с. 446]. Впрочем, неожиданная только на первый взгляд, поскольку лишь в единстве человечества определяется и осуществляется этический субъект. Следовательно, в этой рукописи мы обнаруживаем первоначальную постановку тех философских проблем, осмыслению которых С. Л. Рубинштейн посвящает всю свою жизнь.

Одной из них является проблема человеческого творчества, обсуждаемая в статье, опубликованной в 1922 г. [12]. В ней С. Л. Рубинштейн пытается поддержать и укрепить наметившееся движение в педагогической мысли того времени: возрождение сократо-платоновской педагогики. Её ценностно-смысловое содержание автор представляет следующим образом: «Учение мыслится как совместное исследование: вместо догматического сообщения и механической рецепции готовых результатов — совместное прохождение того пути открытия и исследования, который к ним приводит» [12, с. 89]. Прежняя педагогика, базирующаяся на пассивном восприятии готовых результатов и копировании заданных эталонов, должна быть заменена новой педагогической системой, основа и цель которой — развитие творческой самодеятельности субъекта. Однако судьба новой педагогики, подчеркивает С. Л. Рубинштейн, зависит от решения «одной радикальной философской проблемы», а именно соотношения объективности и конструктивности знания. Он убедительно демонстрирует, что сложивши-

еся в истории новоевропейской философии подходы к решению указанной проблемы — *объективистский* (в частности, эмпиризм Локка, позитивизм и т. п.) и *субъективистский* (Юм, Беркли, Кант) — при всей их внешней противоположности используют общий, одинаковый критерий объективности: «Объективность знания полагается в независимости его предмета от познания» [12, с. 90]. Острие критического анализа направлено на трансцендентальный идеализм Канта, который ограничивает познаваемое бытие пределами чувственного опыта. Заметим от себя, что подобное ограничение абсолютно несовместимо с неклассической наукой, формирующейся в первой четверти XX в. (теория относительности, квантовая физика, генетика и т. д.).

Текст этой статьи свидетельствует о подлинно диалектическом отношении молодого С. Л. Рубинштейна к философии Канта: глубокое освоение классического наследия (десять ссылок на «Критику чистого разума») сочетается с сознанием его недостаточности. Автор констатирует: «Трансцендентальная концепция Канта своими следствиями возвращает к эмпирической концепции Юма. *Гибельная в своих последствиях, разрушающих единство личности, эта концепция логически несостоятельна в своих основах*» [12, с. 94] (курсив наш — *А. К., В. П., В. Х.*). При этом он не ограничивается столь резкой критикой, а предлагает оригинальное решение поставленной проблемы: объективно не то, что дано, а то, что завершено. Тем самым преодолевается конфликт между объективностью и конструктивностью знания. Таким представляется решение этой проблемы 33-летнему автору. Однако у современного читателя возникает множество вопросов. В частности: 1. Если в поисках критерия объективности предлагается «завершённость», то каков критерий завершённости? 2. Допустимо ли говорить о завершённости, законченности какого-либо этапа познавательного процесса? 3. Почему продолжается указанный конфликт, в наше время оформленный как полемика между реалистами и антиреалистами? 4. Почему философские проблемы воспроизводятся, не получая окончательных решений? К некоторым из них мы еще вернемся, а теперь обратимся к работе «Человек и мир» — философскому завещанию С. Л. Рубинштейна. Анализ этого выдающегося произведения отечественной мысли, явно недооцененного нашим профессиональным сообществом, позволяет не только напомнить и актуализировать сформулированные в нем идеи и тезисы, но и продолжить размышления в указанном им направлении — в частности, выявить некоторые *атрибуты философской проблематики*, обнаруживаемые в трудах многих мыслителей разных времен и школ. Далее «Человек и мир» цитируется по изданию 2003 г. [13], номера страниц указываются в скобках после цитаты.

Основой философско-антропологической концепции С. Л. Рубинштейна является включение человека в состав бытия и утверждение трёх отношений человека к миру: познавательного, практического и созерцательного. Почему выделены именно эти мироотношения? Вычленение двух первых понятно — они продолжают кантовскую традицию антропологического вопрошания: познавательное мироотношение соответствует вопросу «*Что я могу знать?*», практическое — вопросу «*Что я должен делать?*». Эту традицию продолжают многие современные авторы, в том числе и представители Уральской философской школы, например К. Н. Любутин и Д. В. Пивоваров [5]. Однако они в качестве третьего фундаментального мироотношения выделяют *ценностное*, а С. Л. Рубинштейн — созерцательное. При этом созерцание понимается как эстетическое переживание: «Прекрасное в природе как выступающее по отношению к человеку и чувство к нему как некая предпосылка затем формирующегося эстетического — таково содержание человеческого созерцательного отношения к миру» [13, с. 359]. Разъясняя данную трактовку, С. Л. Рубинштейн подчеркивает, что созерцательность не следует понимать как пассивность, страдательность, бездейственность человека. Тем самым он выступает против гипертрофированного *активизма*, присущего немецкой классической философии, в наибольшей степени выраженного у Фихте — его интенцию в гётевском «Фаусте» формулирует Бакалавр: «Мир не был до меня и создан мной». Следы этого активизма, по-видимому, сохранились и у Маркса (одиннадцатый тезис о Фейербахе).

Утверждая необходимость сохранения, неустранимость созерцательного отношения с миру, С. Л. Рубинштейн отмечает, что это «дает возможность понять и другую сторону отношения человека к человеку как части — одухотворенной части — природы, как к красоте <...>. Необходимо, чтобы каждый человек и ощущал и осознавал себя как эту часть природы. Эти связи с природой должны жить как «подоплека» всего остального в его чувствах, его сознании, в его отношении ко всему на свете» [13, с. 363].

Данная трактовка направлена против потребительского отношения к природе, высказанного в известном афоризме: «Природа мастерская, а человек в ней работник»; она направлена против *ограниченного* отношения людей к природе («природа не только полуфабрикат и материя производства») и, следовательно, их ограниченного отношения друг к другу. Таким образом, С. Л. Рубинштейн воспроизводит известную формулу марксистской философии [6, с. 29]. Однако здесь отсутствует дословное повторение, поскольку автор выступает не только против узкого, в духе социологического редукционизма, толкования сущности человека, но и предлагает более широкую, на наш взгляд, интерпретацию. Сущность человека не сводится к совокупности общественных отношений, прежде всего производственных. Согласно С. Л. Рубинштейну, сущность, внутренне содержание человека включает **всё его богатство отношений к миру в его бесконечности** — практического, познавательного и ценностного. Последнее включает не только эстетическое созерцание, но и отношения «к жизни и смерти, к страданиям, к опасности, радости». Такое прочтение правомерно, ибо оно согласуется с авторской трактовкой понятий ценности и личности. Действительно, *ценность* есть производное человеческого бытия, то, «что восполняет недостаток этого бытия» [13, с. 361]; *личность* — это субъект жизненного пути. На протяжении жизненного пути личность встречают не только удовольствия, радости, мгновения счастья, но и страдания, опасности, горе, одиночество и т. д.

Изложение своей концепции С. Л. Рубинштейн начинает с переосмысления основного вопроса философии: «За проблемой бытия и сознания раскрывается проблема бытия, сущего и человека, его познающего и осознающего», которую он называет «проблемой всех проблем» [13, с. 282]. Чем обусловлена необходимость этого переосмысления? По-видимому, тем, что автор осознаёт себя как активного участника «борьбы мыслящих людей», как творческого субъекта историко-философского процесса, который может и должен оказать влияние на его продолжение. Указанное переосмысление раскрывает пороки идеалистического решения проблемы бытия и сознания: а) сведение бытия к корреляту сознания влечет превращение бытия в «кажимость», в продукт представления (как у Шопенгауэра); б) «сознание занимает место реального человека, узурпирует права реального человека» [13, с. 283].

Следовательно, С. Л. Рубинштейн описывает истоки и смысл *субъектоцентризма*, присущего классической западноевропейской философии. Ее превращение в философию самосознания началось с Декарта, с его формулы «Cogito ergo sum». Это обстоятельство констатируют и современные исследователи, в частности, В. А. Лекторский. Он отмечает, что вся европейская философия, а также многие науки о человеке на протяжении более трехсот лет исходили из идеи Декарта о том, «что человеку непосредственно дан лишь его субъективный мир, а вовсе не мир объективный» [4, с. 5]. Если содержание индивидуального сознания трактуется как единственно достоверное знание, если индивид замкнут в этом содержании, как в «ментальной тюрьме», то он не может сравнивать его с тем, что существует в объективной реальности. Такого рода рассуждения, пишет С. Л. Рубинштейн, создают путь субъективного идеализма, скептицизма, солипсизма, который он решительно отвергает. Предлагаемое им решение проблемы направлено против отчуждения как человека от бытия, так и бытия от человека. Следовательно, философское мышление С. Л. Рубинштейна обладает таким атрибутом, как **бытийная укоренённость**.

Человек — это часть реального мира, поэтому правомерно ставить вопрос «не только о человеке во взаимоотношении с миром, но и о мире в соотношении с человеком как *объективном* отношении» [13, с. 285]. Это означает, что субъект-объектные отношения являются одновременно как идеальными (в смысле Ideele), так и материальными. Разъясняя данный тезис, С. Л. Рубинштейн писал: «Действие, труд, творящий, производящий человек должны быть включены в онтологию — онтологию человеческого бытия — как необходимое и существенное звено» [13, с. 286]. Таким образом, важнейшая особенность анализируемой концепции состоит в том, что отношения человека к миру и отношения человека к человеку трактуются как *взаимозависимые* и *взаимообусловленные*. Фундаментальное положение онтологии человеческого бытия, на которую опирается С. Л. Рубинштейн, может быть сформулировано следующим образом: «человек является частью вселенной и его задача — следование *незыблемым законам бытия*» [13, с. 56]. Отсюда следует тезис о включении этики в состав онтологии. Его смысл состоит в том, что каждое фундаментальное онтологическое положение «получает резонанс и в этике, распространяясь на человека

и человеческие отношения, и обратно, всякое фундаментальное положение этики имеет свои предпосылки в бытии» [13, с. 350], что выше было названо бытийной укорённостью.

Итак, согласно замыслу С. Л. Рубинштейна, *этика есть онтология человеческой жизни*; при этом «жизнь человека выступает как новая онтологическая категория» [13, с. 492]. Перед нами своеобразный проект, призванный решить актуальные — и тогда, и сейчас — философские проблемы. Метод «вопрошающего чтения» позволяет, на наш взгляд, выявить главные особенности проекта.

1. *Какова его цель или сверхзадача?* Автор неоднократно формулирует эту цель: преодолеть отчуждение человека от человека (например, [13, с. 286]). Понятие «отчуждение» в разных контекстах С. Л. Рубинштейн употребляет в различных смыслах: а) как исключение человека из бытия, критикуя картезианскую парадигму; б) как отрыв явления, феномена от сущности, ноумена, вещи-в-себе, проведенный Кантом; в) как исторически преходящую форму опредмечивания, прослеживая различие понятий отчуждения и опредмечевания, проводимое Марксом в противоположность Гегелю и т. д. Особо выделяется *этическое измерение* отчуждения — как отрыв сущности человека от его существования. Удалось ли С. Л. Рубинштейну решить указанную сверхзадачу? По-видимому, он предложил решение *философской*, а не социально-практической проблемы, что превышает возможности любой личности.

2. *В чем состоит проблемность человеческой жизни?* Автор писал: «Проблемность бытия в целом необходимо влечёт за собой или включает в себя проблематичность и самого человека. Совокупность последних проблем составляет сферу этоса или этического — бытия человека в его отношении к другим людям» [13, с. 348]. Проблемность человеческой жизни включает в себя: а) ее противоречивость — например, коллизии сущего и должного («Благое вижу, хвалю — но к дурному влекусь», — писал Овидий в «Метаморфозах»), разлад знания (разума) и желания (чувства, сердца), разрывы между целями, средствами и результатами человеческой деятельности и т. д.; б) «хрупкость человеческой жизни: ранимость, уязвимость человека: терзания и муки человеческого сердца, тщетность, суетность стольких его устремлений... Сколько усилий и мук и часто — из-за чего? Одна нелепая ничтожная случайность и конец всему» [13, с. 380]. Вероятно, это отголоски книги Екклесиаста («Шопенгауэра древности», по словам Э. Ренана) и/или рассуждений Б. Паскаля о «мыслящем тростнике»; в) неустранимость экзистенциальных антиномий: «Надо отдать себе отчет в том, что при всей необходимости перестройки общества никакой общественный строй не устранит — всех горестей человеческого сердца» [13, с. 365]. Следовательно, проблемное сознание С. Л. Рубинштейна обладает таким атрибутом, как **экзистенциальная напряжённость**, о чем свидетельствуют его дневники. Решение социальных проблем не ликвидирует проблемы экзистенциальные.

3. *Каковы мировоззренческие основания этической концепции С. Л. Рубинштейна?* Автор формулирует их вполне определенно: «Этика, включенная в онтологию, есть выражение включенности нравственности в жизнь». Это значит, что нравственность должна быть рассмотрена как содержание жизни человека. Категория «жизнь» определяется всем богатством отношений человека к миру, т. е. С. Л. Рубинштейн избегает как биологической редукции (свойственной представителям философии жизни, социобиологии и т. п.), так и социологической редукции, социологизаторства (что уже отмечалось выше). Исходя из данной установки, он пишет: «Смысл жизни каждого человека определяется только в соотношении всей его жизни с другими людьми» [13, с. 363].

4. *Почему жизнь сама по себе не имеет смысла?* Вслед за только что процитированным суждением автор утверждает: «Сама по себе жизнь вообще такого смысла не имеет». Данный тезис выглядит как парадокс. Можно ли его разрешить? Отметим, что его продолжением является другой тезис: мораль вообще «не существует только применительно к жизни одного данного человека» [13, с. 364]. Мы полагаем, что оба парадокса разрешаются одинаково: понятия «жизнь сама по себе» и «мораль вообще» трактуются С. Л. Рубинштейном как результаты неправомерного **гипостазирования**, как экземпляры мира «идей» Платона, у которого бытие выступает как предикат P, а не как субъект S суждения — S есть P [13, с. 290]. Экономист Л. Фон Мизес предупреждал, что склонность к гипостазированию есть «худший враг логического мышления». Во времена перестройки и «реформ» склонность нашей интеллигенции к гипостазированию, отмечает С. Г. Кара-Мурза, «проявилась в гипертрофированном виде» [3, с. 35]. Эту логико-психологическую патологию следует трактовать как часть общего кризиса

рациональности, а сам кризис включать в перечень глобальных проблем современности.

5. *Каким философским и этическим парадигмам оппонирует концепция С. Л. Рубинштейна?* К ним относятся гедонизм, утилитаризм, христианский гуманизм. Автор подчеркивал: «Не сострадание к человеку, его бедам и несчастьям является основным содержанием этики, как это утверждает христианский гуманизм, потому что беды и несчастья, страдательность человеческого существования — не основная характеристика человека. Не погоня за счастьем как совокупностью удовольствий и наслаждений является целью и смыслом человеческого существования, как это утверждает гедонизм и утилитаризм» [13, с. 364]. Кроме того, на протяжении всей книги идет диалог с марксизмом и экзистенциализмом. В частности, отмечается, что понятие наличного бытия человека (Dasein, Existenz) в каждый данный момент его жизни может быть определено только через его отношения ко всему сущему. Буддизм характеризуется как философия небытия. С. Л. Рубинштейн подробно и логически безупречно доказывает ошибочность положения Канта «о совпадении содержания реальных и мыслимых талеров» [13, с. 294]. Таким образом, анализируемая концепция имеет прочный историко-философский фундамент.

6. *Следует ли различать понятия «мораль» и «нравственность»?* Известно, что Гегель в «Философии права» различал их. В наше время ведущие российские исследователи отождествляют указанные понятия [17, с. 574]. Можно ли обосновать различие и взаимосвязь понятий морали и нравственности? Мы полагаем, что это возможно путем обращения к наследию С. Л. Рубинштейна, а именно — к его трактовке *принципа детерминизма*. В работе «Бытие и сознание» он отмечал: «При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляют все внешние воздействия» [13, с. 269]. В книге «Человек и мир» подчеркивал этический смысл этого принципа «*внешнее через внутреннее*», характеризуя его как основной при объяснении природы человека, т. е. переходя в сферу философской антропологии. Можно сказать, что С. Л. Рубинштейн различает: а) **моральные** проблемы (противоречия, конфликты) — для решения которых необходимо «изменение внешних условий общественной жизни, снимающих внешние причины моральных трудностей человека и его жизни»; б) **нравственные** проблемы — для решения которых необходимо «формирование внутренней позиции, внутреннего отношения к любым конфликтам, которые приносит жизнь, к любым противоречиям, которыми она может оказаться чреватой» [17, с. 490]. Согласятся ли профессиональные этики с предлагаемым решением? В любом случае необходимо актуализировать размышления С. Л. Рубинштейна о диалектике внешнего и внутреннего [17, с. 494], учитывая их возможную экстраполяцию на разные области философии.

7. *Об основных проблемах и перспективах данной концепции.* Прежде всего отметим понимание автором принципа проблемности. Он утверждал: «Всякая ситуация по самому существу своему проблемна. Отсюда — постоянный выход человека за пределы ситуации, а сама ситуация есть становление» [13, с. 357]. Эти суждения суть следствия исходной идеи о включении человека в состав бытия, о том, что он включен в бытие своими действиями, которые преобразуют наличное бытие. Проблемная ситуация — это совокупность обстоятельств, затрудняющих действия человека. Но в человеке есть нечто, выводящее его за пределы ситуации. Это нечто — **надситуативная активность**, присущая человеческой природе. Данный концепт был развит в отечественной психологии, прежде всего в работах В. А. Петровского [7]. Другими словами, проблемность — это *атрибут* человеческого бытия. «Любое бытие порождает вопросы» (Р. Лаут). Своими действиями человек не только изменяет проблемную ситуацию, но выходит за пределы и ситуации, и самого себя. Полемизируя с экзистенциализмом, С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что этот выход за пределы самого себя «не есть отрицание моей сущности, как думают экзистенциалисты, это — ее становление и вместе с тем реализация моей сущности...» [13, с. 360].

Полемизируя с буддизмом и христианством, гедонизмом и утилитаризмом, С. Л. Рубинштейн формулирует **центральную проблему этики**: это «проблема гуманизма как самоутверждения, посюсторонней жизни, инициативы и ответственности» [13, с. 324]. Конкретизируя данную формулировку, он выделяет четыре проблемных вопроса:

- вопрос о месте другого человека в моей жизни (другой человек только как средство, орудие или как цель моей деятельности);
- вопрос о возможности осознания непосредственных результатов и отдалённых последствий человеческой

деятельности. В наше время его актуализируют последствия экспансии конвергентных технологий (нано-, био-, инфо- и т. д.);
- вопрос о существовании другого человека как условии моего существования;
- вопрос о детерминации человеческого поведения, о системе ценностей [13, с. 286]. Первый и третий вопросы неотделимы друг от друга. Действительно, С. Л. Рубинштейн не ограничивается повторением одной из формулировок категорического императива Канта: человек — это цель, а не средство; в своем обосновании гуманизма он идет значительно дальше кёнигсбергского мыслителя и предлагает более радикальное решение: «**Моральное отношение к человеку — это любовное отношение к нему**. Любовь выступает как *утверждение бытия* человека» [13, с. 387]. Любовное отношение к человеку заключено в формуле и в чувстве: «Хорошо, что Вы существуете в мире». Данная формула невозможна в системе трансцендентального идеализма! Уместно сравнить ее с критическим выводом в статье 1922 г. [12, с. 94].

Таким образом, концепцию С. Л. Рубинштейна в целом можно охарактеризовать как опыт реализации *синтетической парадигмы в философии*. Действительно, автору удалось осуществить синтез таких философских дисциплин, как онтология, теория познания, методология (включающая теорию деятельности), философская антропология и этика. При этом в каждую из них он внес принципиально новые идеи и концепты. В частности, в арсенал онтологии вошла оригинальная и перспективная трактовка принципа детерминизма («внешнее через внутренне»), дополненная бинарной оппозицией «страдать — действовать». В чем ее новизна? В онтологии принято различать две формы детерминации: связь причины и следствия и связь состояний, однако многие авторы сводят детерминацию к причинной связи. Философские дискуссии первой половины XX в. были сосредоточены, в основном на проблемах причинности в микромире и в квантовой физике. Их участники стихийно разделились на детерминистов и индетерминистов; К. Р. Поппер, например, называет себя сторонником индетерминизма [9, с. 101]. Его аргументы, на наш взгляд, представляют собой «мелкую философию на глубоких местах»: а) *отрицание детерминизма* равносильно отказу от понятия «закон науки»; б) оно сводит причинность к лапласовскому детерминизму; в) оно игнорирует научное понимание человеческой природы. В противоположность этому концепция С. Л. Рубинштейна позволяет исследовать психику и сознание человека научными методами, определить предмет психологи, преодолеть многие философские заблуждения XVIII—XX вв. Прежде всего преодолеть социологический редукционизм, в котором Н. А. Бердяев обвинял О. Конта, К. Маркса, Э. Дюркгейма, полагая, что «они отрицали личность: для них есть лишь индивидуум, соотносительный с социальным коллективом» [1, с. 65].

Внешние условия выступают, согласно С. Л. Рубинштейну, как условия общественной жизни (общественно-экономическая формация, политическая система и т. п.), которые действуют через внутренние нравственные установки личности, через ее ценностный мир. Поэтому личность не есть просто «сжатое, или сосредоточенное, общество»[14, с. 65], как утверждал В. С. Соловьёв. Личность, как и любое самобытное сущее оказывает *сопротивление* внешним воздействиям, «преломляет», преобразует их. Данный тезис имплицирует новую постановку проблему свободы [13, с. 373], обусловленную критикой философии Ж.-П. Сартра. Определяя тактику и стратегию этики, С. Л. Рубинштейн излагает эскиз теории этического познания [13, с. 489]. Некоторые положения своей концепции он формулирует в парадоксальной форме. Например, этический *парадокс Рубинштейна* гласит: «Во всяком серьёзном этическом конфликте добро, а не зло борется с добром» [13, с. 491]. Отметим совпадение отдельных тезисов данной концепции с высказываниями Поля Рикёра об антиномичности человеческой реальности и хрупкости человеческого бытия [10, с. 13, 259]. Случайно ли это совпадение? Оставим вопрос открытым.

Итак, основной тип концептуального синтеза, реализованный в системе С. Л. Рубинштейна, может быть определён как *философско-дисциплинарный* синтез. Кроме того, в ней осуществлён *научно-философский* синтез — соединение знания естественно-научного, психологического и социально-гуманитарного, философского. В анализируемой системе отсутствуют теологические и религиозно-мистические компоненты, в отличие от философии В. С. Соловьёва. Однако их объединяет стремление к целостности и критическое отношение

к западной философии. Именно стремление к целостности служит критерием принадлежности философского учения к синтетической парадигме. В наше переходное время, в эпоху разобщённости и неопределённости, отмечает Д. В. Пивоваров, «явно возрастает потребность в возрождении синтетической философии, интегрирующей ответы на вечные метафизические вопросы». Ее структура такова: «От простого монизма через поливариантное освещение фундаментальной проблемы к теоретическому синтезу развитых альтернативных теорий» [8, с. 3]. Образцы анализа фундаментальных мировоззренческих проблем и схемы теоретического синтеза в творческом наследии С. Л. Рубинштейна представлены выше. Конечно, они не исчерпывают его богатейшего содержания — это невозможно сделать в рамках одной статьи. Напомним, что в 2019 г. исполняется 130 лет со дня рождения Сергея Леонидовича. Актуальность его проекта несомненна: о моральном разложении современного общества говорят как на Западе, так и в России; многие авторы полагают, что вторжение рыночных отношений везде и всюду («рыночный фундаментализм») вытесняет мораль как регулятор общественных отношений. Американский философ М. Сэндел пишет о «коррупционных свойствах рынка» [15, с. 15] и призывает «поставить рынок на место». Способна ли этика — философская и/или прикладная — влиять на указанные процессы? Отечественные специалисты, как уже отмечалось, не «заметили» концепцию С. Л. Рубинштейна [17, с. 587]. Вероятно, данный факт можно объяснить как проявление «эффекта дисплея» — термин введен А. Н. Чумаковым [1, с. 21, 23]. Цель статьи двуедина: 1) реконструировать предложенный С. Л. Рубинштейном проект онтологического обоснования этики — она достигнута; 2) привлечь к проекту и ко всему его философскому наследию внимание исследователей и педагогов — выражаем надежду, что она также будет достигнута.

---

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. М. : Республика, 1993.

2. Борисова Н. В. С. Л. Рубинштейн о «нравственном законе» // Человек и мир. 2018. Т. 2, № 2. С. 52—64.

3. Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум. М. : Эксмо : Алгоритм, 2006.

4. Лекторский В. А. Реализм как философско-методологическая стратегия исследования познания // Перспективы реализма в современной философии : сб. тр. / под ред. В. А. Лекторского. М. : Канон+, 2018.

5. Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993.

6. Маркс К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М. : Госполитиздат, 1955.

7. Петровский В. А. Человек над ситуацией. М. : Смысл, 2010.

8. Пивоваров Д. В. Синтетическая парадигма в философии: избранные статьи. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

9. Поппер К. Р. Вся жизнь — решение проблем. О познании, истории и политике. Ч. 1. Вопросы познания природы. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2019.

10. Рикёр П. Философская антропология. Рукописи и выступления. М. : Изд-во гуманит. лит., 2017

11. Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003. — С. 428—451.

12. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 88—95.

13. Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003. С. 282—406.

14. Соловьёв В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // В. С. Соловьёв. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. С. 47—580.

15. Сэндел М. Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.

16. Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд. М. : Проспект, 2009.

17. Этика : энцикл. слов. / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001.

References

1. Berdyaev N.A. (1993) O naznachenii cheloveka. Moscow, Respublika Publ., 383 p. [In Rus].

2. Borisova N.V. (2018) *Chelovek i mir*, vol. 2, no. 2, pp. 52—64. [In Rus].

3. Kara-Murza S.G. (2006) Poteryannyj razum. Moscow, Eksmo Publ., Algoritm Publ., 736 p. [In Rus].

4. Lektorskij V.A. (2018) Realizm kak filosofsko-metodologicheskaya strategiya issledovaniya poznaniya // Perspektivy realizma v sovremennoj filosofii. Moscow, Kanon+ Publ., 464 p. [In Rus].

5. Lyubutin K.N., Pivovarov D.V. (1993) Dialektika sub”ekta i ob”ekta. Ekaterinburg,

Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 415 p. [In Rus].

6. Marks K., Engel's F. (1955) Nemeckaya ideologiya // K. Marks, F. Engel's. Sochineniya. Vol. 3. Moscow, Gospolitizdat Publ. [In Rus].

7. Petrovskij V.A. (2010) Chelovek nad situaciej. Moscow, Smysl Publ., 559 p. [In Rus].

8. Pivovarov D.V. (2011) Sinteticheskaya paradigma v filosofii: izbrannye stat'i. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., pp. 98—99. [In Rus].

9. Popper, K. R. (2019) Vsya zhizn' — reshenie problem. O poznanii, istorii i politike. Chast' 1: Voprosy poznaniya. Moscow, URSS Publ., LENAND Publ., 232 p. [In Rus].

10. Rikyor P. (2017) Filosofskaya antropologiya. Rukopisi i vystupleniya. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury Publ., 312 p. [In Rus].

11. Rubinshtejn S.L. (2003) O filosofskoj sisteme G. Kogena // Bytie i soznanie. Chelovek i mir. St. Petersburg, Piter Publ., pp. 428—451. [In Rus].

12. Rubinshtejn S.L. (1989) Princip tvorcheskoj samodeyatel'nosti // Voprosy filosofii [Philosophy Issues], № 4, pp. 88-95. [In Rus].

13. Rubinshtejn, S. L. (2003) Chelovek i mir // Bytie i soznanie. Chelovek i mir. St. Petersburg, Piter Publ., pp. 282—406. [In Rus].

14. Solov'yov, V. S. (1990) Opravdanie dobra. Nravstvennaya filosofiya // Sochineniya: v 2 t. T. 1. Moscow, Mysl' Publ., pp. 47—580. [In Rus].

15. Sendel M. (2013) Chto nel'zya kupit' za den'gi. Moral'nye ogranicheniya svobodnogo rynka. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 320 p. [In Rus].

16. Chumakov A.N. (2016) Globalizaciya. Kontury celostnogo mira. Moscow, Prospekt Publ., 448 p. [In Rus].

17. Etika: enciklopedicheskij slovar' (2001) [Ethics: encyclopedic dictionary]. Moscow, Gardariki Publ., 671 p. [In Rus].

For citing: Prytkov V.P., Konashkova A.M., Kharitonov V.V. Ontological foundations for ethics: from S. L. Rubinstein's idea to its realization // Socium i vlast'. 2019. № 6 (80). P. 111—120. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-6-111-120.

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-6-111-120.

UDC 1 (091)

ONTOLOGICAL FOUNDATIONS FOR ETHICS: FROM S. L. RUBINSTEIN'S IDEA TO ITS REALIZATION

Vladimir P. Prytkov,
Urals Federal University
named after the first Russian President
Boris Yeltsin, Associate Professor
of the Department Chair of Philosophy,
Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor.
The Russian Federation, 620002,
Yekaterinburg, ul. Mira, 19.
E-mail: v.p.prytkov@urfu.ruu

Alyona M. Konashkova,
Urals Federal University
named after the first Russian President
Boris Yeltsin, Associate Professor of the Center
for the Development of Universal Competences,
Cand.Sc. (Philosophy),.
The Russian Federation, 620002,
Yekaterinburg, ul. Mira, 19.
E-mail: a_konashkova@mail.ru

Vladimir V. Kharitonov,
Urals Federal University
named after the first Russian President
Boris Yeltsin, Associate Professor
of the Department Chair of Philosophy,
The Russian Federation, 620002,
Yekaterinburg, ul. Mira, 19.
E-mail: V.V.Hariton@gmail.com

Abstract

Introduction. The article describes the authors' experience of "inquiring reading" and understanding the philosophical heritage of the largest Russian psychologist and thinker Sergei Rubenstein. The basic ideas of causal relationship between mental phenomena and existence are reflected upon, and the onto-gnoseological and moral-ethical bases of psychology and philosophy are analyzed. The aim of the study is to reconstruct ontological justification of moral and ethical problems on the basis of historical and philosophical analyzing S.L. Rubenstein's works and diaries of different periods. **Methods**. The authors use the following general scientific methods: generalization, structural-functional analysis, system and comparative analysis. Scientific novelty of the research. The project of ontological justification of moral and ethical issues is highly relevant for modern culture, to understand the current state and prospects of Russian society development a rapidly globalizing world. **Results**. In our transitional times, in the age of disunity and uncertainty, there is undoubtedly an increasing necessity to revive the synthetic philosophy which integrates the answers to problematic questions, such as the question of the place of another person in my life (another person only as a means, an instrument, or as the purpose of my activities); the question of another person's existence as a condition for my existence; the question of determining human behaviour, the value system. **Conclusions**. In today's market economy, when ethics issues take a back seat, an ontological ethics project based on the ideas and methodological principles proposed by S.L. Rubenstein can become an important factor in rethinking the fundamental grounds of the relationship between different spheres of economic, political and spiritual spheres of society, which will make it possible to achieve positive heuristic potential.

Key concepts:
life,
personality,
conception,
philosophical problem,
ontology,
objectivity,
subjectivity,
synthetic paradigm,
ethics,
existentia.